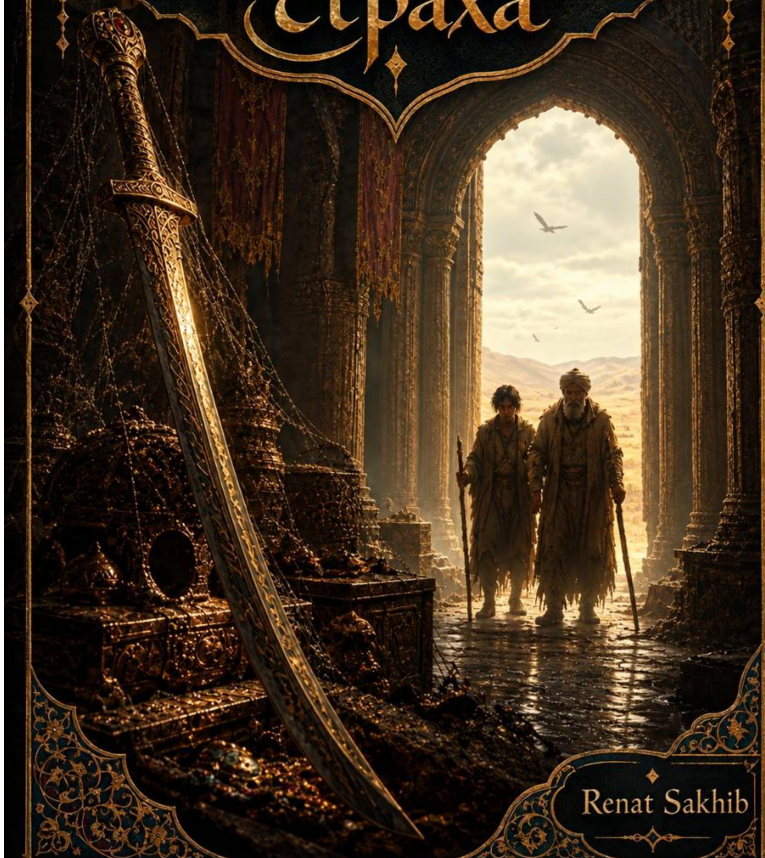

Клинок не ведающий страха

Renat Sakhib

Renat Sakhib

Клинок, не ведающий страха

<https://litres.ru/74574828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Древний меч пылится в сокровищнице забытого хана, коротая вечность за презрительными воспоминаниями о трусах, что бежали отсюда живыми, так и не коснувшись его. Клинок уверен: во всём виноват безымянный Страж, читающий чужие страхи и убивающий ими тех, кто осмелился войти в курган. Но однажды входят не герои – всего лишь дрожащий нищий пастух и его слепой, оглохший на одно ухо дядя. Их путь к клинку станет не испытанием храбрости, а зеркалом, в котором меч наконец увидит, кем он является на самом деле.

Renat Sakhib

Клинок, не ведающий страха

Клинок, не ведающий страха

Пыль – вот кто мой настоящий хозяин. Не хан Тагир, чьи кости давно стали частью этого камня. Не безымянный каменщик, что вырубил этот зал в брюхе скалы. Не шаман, что посмертно запечатал вход своим заклатьем. Пыль. Она приходит каждый день, без страха, без гордости, без единой мысли, и ложится на мой клинок слоем толще прежнего. Я – Оджал, клинок, укравший жизни у сотни воинов, а теперь я всего лишь насест для пыли.

Возможно, вам это имя ничего не скажет. В степи кочевники так определяют момент, который назначен человеку заранее – момент его смерти, вписанный в небесную книгу ещё до его первого крика. Дерзкое имя для куска стали, скажете вы. Но я его заслужил. Меня держала рука предводителя, когда двенадцать вражеских знамён падали одно за другим, будто кто-то отсчитывал их жизни вслух, каплю за каплей – и этим кем-то был я.

Теперь я лежу на каменном возвышении посреди зала, в самом сердце этого искусственного кургана, и слушаю, как

ветер снаружи перебирает песчинки, точно камешки чётков. Надо мной – свод со звёздными узорами, давно потускневшими от времени. Вокруг – сокровища: кувшины с бирюзой, изъеденные молью халаты, седло, обшитое серебром и самоцветами для коня, который сдох раньше своего всадника. Всё это блестит, когда сюда забредает случайный луч солнца, и всё это никому не нужно, потому что забрать их отсюда живым ещё не удавалось никому.

Думаю, что снаружи, в караван-сараях или обычных селениях, обо мне рассказывают сказки и небылицы. Будто здесь в кургане дежурит Страж, связанный его сводами, благодаря наложенным заклятиям великого еще при жизни шамана – то ли дэв, порождённый последним вздохом хана, то ли и вовсе злой демон-обыр, запертый заодно с сокровищами, – и забирается человеку прямо в голову, чтобы достать оттуда самое страшное и потаённое. Я слушал и не раз схожие байки ранее, когда сопровождал своих хозяев в их путешествиях, странствиях, набегах и войнах. Именно услышанное мной ранее давало мне объяснение ныне, когда очередной глупец умирал в десяти шагах от меня, не успев протянуть руку ко мне, схватить меня, чтобы я мог дать ему своих сил. Списать всё на Стража вполне удобно, да и нет у меня иного объяснения, почему я до сих пор лежу здесь на голом и запыленном камне. Всегда проще думать о себе как о жертве чужого проклятья.

Я помню многих, кто приходил. Расскажу о троих – не

потому, что они были лучшими, а потому, что каждый из них был по-своему уверен, что уж он-то не струсит.

Первым был безымянный воин – статный, широкоплечий, с раскосыми тёмными глазами и тёмными волосами. Он уверенно вошёл в зал так, будто зал был ему что-то должен, – грудь колесом, борода в две косы, за спиной шокпар – палица с шипами. Но с каждым его шагом и приближением ко мне лицо воина менялось. Сделав еще шага три, воин остановился, будто налетел на невидимую стену: его дерзкое лицо вдруг сложилось, как мокрая бумага. «Тохтар, погоди... – прошептал он. – Я же не хотел...». Тохтара, явившегося перед воином, как я потом понял, он утопил сам, много зим назад, на обычной горной переправе – даже не в бою, чтобы забрать его долю добычи, типичная людская алчность. И вот теперь этот Тохтар стоял перед ним, мокрый, синий, с илом в бороде, и просто смотрел на воина, который ранее, не знавший страха ни в одной битве, с воплем рухнул на колени и уполз обратно к выходу, оставив в пыли борозду. Он умер от воспоминаний в собственной голове, даже не коснувшись моей рукояти.

Вторым была какая-то ловкая плутовка – тонкая, как хлыст, с руками, которые могли снять кольцо с пальца, не разбудив хозяина. Она вошла тихо, по стеночке, ощупывая камень перед каждым шагом. Я подумал: вот эта поди и доберётся до меня. Она добралась почти до середины зала – а потом она стала вести себя так, будто свод над ней будто стал

ниже, стены – ближе. Она вскинула руки над головой, хотя до потолка тут было столько места, что можно было въехать верхом, – и захрипела так, будто её стали муровать заживо, начала царапать ногтями воздух вокруг себя, что-то крича и задыхаясь. Она пятилась, пока не упёрлась спиной в выход, и дальше это был уже панический бег человека, который сам себе вырыл могилу и вдруг это понял. Но ни один камень в этом зале за неё не подвинулся ни на палец. Что с ней стало даже мне неведомо.

Третьим был видимо странствующий мудрец – дервиш. Он пришёл сюда не за золотом, как бывшие до него приключенцы, а за знанием: хотел видимо понять природу Стража и победить его разумом. Он смог подойти ко мне ближе всех, кто был в кургане до этого – я уже почти что видел отблеск стали своего клинка в его мудрых глазах, – а потом он, не дойдя до меня буквально пары шагов, вдруг замер и начал вслух спорить сам с собой. «Меня зовут Руфат ибн Хакими», – говорил он одним голосом. И тут же он отвечал сам себе уже совершенно другим голосом: «Тебя так никак не зовут, лжец. Ты сам себе выдумал какую-то учёность, и всё для того, чтобы не помнить, кем ты являешься на самом деле». Некоторое время он метался между этими двумя противоречащими друг другу голосами и с каждым разом всё труднее и труднее было понять, какой из них – его собственный. В конце концов он ушёл сам, на своих ногах, но его мудрый взгляд, которым он смотрел на мир, когда только вошёл сю-

да, полностью пропал. Теперь же он смотрел на мир и всё, что его окружало, взглядом человека, для которого уже ничего не было и не могло быть настоящим – взглядом обычного безумца.

Я и продолжал презирать их всех – нет, не за то, что они бежали, поддавшись страху, а за то, что они бежали от несущестствующего. Ни один дикий зверь не преследовал их, ни один острый клинок не притрагивался к их коже. Они погибали – или почти что погибали – от каких-то видений, которые сами же себе и нарисовали в своей собственной голове, ведь у страха глаза велики, а я, лежавший здесь в пыли уже не одну весну, честно полагал себя единственным, кто во всём этом большом и тёмном зале, наполненном сокровищами, ещё сохранил хотя бы каплю истинного достоинства. Меч не привык выбирать, кого следует пронзить своим клинком, оттого меч не испугается своей собственной тени. Так я о себе думал всё это время, продолжая чувствовать этот нестерпимый запах пыли. Так я думал о себе очень, очень долго.

...

В тот день, когда явился следующий, я уже не ждал ничего интересного. Я слышал шаги задолго до того, как он вошёл, – шаги неуверенные, шаркающие, с частыми паузами, будто идущий останавливался через каждые три шага, чтобы прислушаться. Не поступь воина. Не крадущийся шаг вора. Не размеренная поступь учёного человека. Шаги калеки или труса – так я решил ещё до того, как увидел лицо.

Он вошёл в проём, и я его разглядел. Молодой, двадцати вёсен, не больше, тощий, как весенний тростник, в халате, столько раз перешитом, что от исходной ткани, наверное, не осталось ни нитки. За плечами – пустой бурдюк и почти пустая сума. На поясе – не сабля, не кинжал даже, а паршивый пастуший нож, каким режут верёвки, а не глотки. Он держал в руке посох и им ощупывал пол перед собой, прежде чем сделать шаг, – так ходят по тонкому льду. Он трясся. Не притворно – по-настоящему, крупной дрожью, которая шла у него от колен и выше, и голос, когда он заговорил сам с собой, дрожал так же:

– Ещё немного, Дауд. Нужно пройти ещё немного, и мы на месте.

Он негромко разговаривал сам с собой, бормоча себе под нос своё собственное имя, будто бы убеждая какого-то другого, трусливого Дауда, испуганно спрятавшегося глубоко внутри этого тощего юношеского тела.

Судя по всему, довольно слабый кандидат, подумалось мне, оттого я приготовился откровенно скучать. Ставки в моих мыслях были связаны не с тем «дойдёт» или «не дойдёт», а скорее уж «на каком шаге» и «от чего именно» он погибнет или убежит из зала. Судя по всему, этот бы не прошёл даже трети пути – настолько уж явно он был перепуган ещё до того, как Страж (я тогда всё ещё честно верил в него) успел бы взяться за дело всерьёз, чтоб скрутить мальчишку в звериный рог.

Но время медленно капало, а тощий юноша также медленно, но всё же шёл вперёд – спотыкаясь, продолжая бормотать, изредка останавливаясь, но продолжая идти. И вот тут я, наконец, заметил некую странность. Обычно к этому моменту любой забредший на огонёк гость кургана уже начинал как-то странно коситься по сторонам – туда, где в темноте принято было появляться первым видениям, насылаемым Стражем, довольно лёгким, даже разминочным, вроде смутных размытых силуэтов и неразборчивого шёпота на ухо. А этот, несмотря на испуганный взгляд, не косился никуда. Он старался всё же смотреть прямо перед собой – точнее, не совсем прямо, а чуть мимо, разглядывая что-то в пустоте над моей рукоятью, – и то и дело юноша подслеповато щурился, будто в зале было темным-темно, хотя сквозь дыру в своде бил вполне ясный дневной свет. Один раз он чуть было не наступил своей тощей ступней в приоткрытый сундук с золотыми монетами – блестящими, отражающими брызги солнечного света так сильно, что глаза бы резало, стоило посмотреть именно на них – и даже не отдёргнулся, когда всё же ступня опустилась на пол рядом с сундуком, мальчишка не заметил сундука и монет вовсе, будто их и не было. По всей видимости дрожал он вовсе не из-за от того, что видели его глаза вокруг себя. Его дрожь была при нём всё это время, с самого начала пути, когда он вошёл в залу кургана, независимо от того, что именно происходило здесь внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.